

БОГОСЛОВСКИЙ ЭТЮД

Текст, который ты, может быть, прочитаешь ниже, почтенный читатель, являлся когда-то частью комментария к трактату Плотина «Против гностиков», так что нет никаких сомнений в том, что автор находится под сильным влиянием давно забытой полемики. Превращая эти отзвуки отзвуков во что-то самостоятельное, он, думается нам, не ошибся, назвав этюдом то, что не должно бы иметь названия: этюдом именно в музыкальном смысле этого слова, упражнением наподобие гамм и арпеджио, холодным и скучным для виртуоза, полезным для ученика. Этот этюд необходимо читать сначала *staccato*, а потом *legato*, связывая, где это возможно, по четыре звука.

Итак, что же творит Божество? Вопрос, обыкновенно подменяемый вопросом «из чего», будучи как будто бы субстратом, является чем-то важным в творении. Совершенно ясно, что если пока кроме сверхсущего Бога у нас ничего нет, то Бог творит из ничего. Но что? Вещи? Идеи? Все? Сначала скажем, однако, что Бог творит в вечности и, следовательно, ничто, подлежащее времени, сотворено первым быть не может.

Именно здесь возникают два разных ответа: «Бог творит Себя как Другого Себе» и «Бог творит Другого как Себя». Этот тонкий оттенок первоначально очень простой мысли даст потом очень сильные разногласия. Ведь если принять первую гипотезу, то это значит сказать, что сотворенный имеет сущность в Творящем, а во всем остальном подобен Ему, хотя его собственная сущность ничто. Причем здесь возможно и говорить о единодушии и не говорить, в зависимости от того, на чем важнее поставить акцент. Принимая вторую гипотезу, мы говорим, что Бог творит сущность, а именно — тварную сущность, которая не есть ничто. Но скажут: «она и з ничто». О бездна премудрости! Как будто Бог творит во времени, то, что подлечит разрушению. Нет, то, что есть, не может больше не быть. А когда его не было, мы о нем и не говорили. Творение должно мыслиться как нечто необратимое.

Но есть ли эта сущность нечто? Разумеется, нет. Откуда бы у нас могла появиться какая-либо чтойность? Из Божества? Но Оно обладает не чтойностью, а чем-то, что мы аллегорически называем чтойностью и содержанием. Но тогда эта сущность ничто ничуть не больше, чем нечто, потому что из нее все, потому что она первое являемое присутствующее во всех остальных. Существует ли эта сущность? Смотря что мы возьмем за эталон существования: если Божию жизнь в себе, то не существует, если существование наших вещей, тоже не существует. Ее существование и его способ присущи только ей.

Что же, нужно рассмотреть это существование. Можно ли сказать,

что оно есть нечто одно? Да, конечно. Но тогда оно должно отличаться от чего-то иного. От чего бы это? От того, что не есть сущность, от не-сущности. Но не-сущностью может быть либо существование сущности, либо то, откуда сама эта сущность. Какое отличие тут имеется в виду? И что за неуместное слово «сущность» — вторичное и измазанное существованием! Не лучше ли говорить об одном сущем? Одно существует. Так? Так. Существование отличается от Одного. Хотя почему здесь говорится об отличии, откуда взялось само это слово и почему вставлено сюда? Откуда взялось существование и Одно? Ведь сначала есть Тот, Кто выше бытия и небытия, есть и не есть, и ничего больше. Потом мы говорим, что из не-сущего чудесным образом возникает Другое, т. е. не несущее, т. е. сущее, которое можно назвать и Одним, но в любом случае здесь невозможны предикаты.

Но возможна ли здесь диалектика? Да, но не диалектика единого и многого, бытия и небытия, но Одного и Другого. Что же, существует ли Другое в том же смысле, что и Одно? Этот вопрос справедлив, если понимать здесь существование как отношение между Одним и Другим. Что значит «отношение»? А то, что Одно несопоставимо с Другим по сущности, но они все равно как-то сопоставлены, и это их соотношение мы и называем существованием. Ведь сказать «Одно существует» в начале рассуждений значит прибавить к одному неизвестному другое. Но если говорить о существовании как соотношении Одного и Другого, то не прибавляется ли тут к двум неизвестным третье? Нет, но оба становятся известными лишь в отношении друг к другу.

Не есть ли все это то же, что диалектика одного и иного, когда это иное становится одним, но одним сущим? Нет, ведь сущность иного ничто, а сущность Другого — Другое в себе. Иного нет, если взять его само по себе, Другое есть. Не есть ли это учение о двух началах? Да, но одно из которых сотворено и есть начало не по отношению к тому же самому, к чему Первое. Второе начало ведь есть начало только самого себя.

Итак, утверждается, что существование есть отношение между сущностью и Сверхсущим, а не между сущностью и ничто. И притом нельзя сказать, кто именно существует. Но это Другое, раз оно сотворенное, не есть ли просто Бытие Одного; ведь ничто не мешает Одному и пребывать в Себе и существовать? Ничто, если исключить его природу. Ведь то, что мы называем «существовать», т. е. иметь части, двигаться и покоиться и т. д., присуще, как говорят, бытию; причем бытие понимается именно как ничто, максимально уподобившееся Одному. Здесь же говорится о том, что из ничто ничто не возникает; здесь говорится не об Одном и Ином, но об Одном и Другом. Сказать «Одно существует» значит поставить Другое на место существования и приписать ему предикативное значение. В то время как ничего подобного не происходит, если мы только не скажем, что

быть Одному значит вечно творить Другое. Но было бы странным считать, что еще не кончился Шестоднев. Поэтому само понятие существования, а также тождества и различия и вообще все, что мы называем Умом, возникает с и н э р г и ч е с к и. Значит ли это, что Одно стало причастным бытию и что все, что есть в Уме, есть в Одном? Все, что есть в Уме, несомненно есть в Одном, но не так, как оно есть в Уме. Одно не стало причастным бытию, так как бытие есть производное, но Одно воздействует на Другое, и мы видим Ум как результат этого воздействия.

Значит ли это, что Другое, претерпев это воздействие, стало причастным бытию? Значит ли это, что то, что есть в Уме, есть в Другом? Но уже сказано, что бытие есть производная, и чтобы оно возникло, нужно действие двух энергий.

Другое не есть начало пассивное и только претерпевающее, но сотворяющее, хотя и сотворенное. Другое становится бытием, хотя и производит его, но не само по себе; и все, что есть в Уме, есть и в Сущности, но не так, как в Уме. Есть ли в Одном Другое? Какова сущность Ума, если ли у него сущность? Поскольку Другое сотворено в Одном, есть то, что предшествует творению, — это замысел — замысел сущности. Это, естественно, нельзя понимать буквально, но поскольку Другое есть, и есть сущность, его в Одном нет. Сущность первоначально сама лишена ипостаси и имеет ее как задание. Но эта ипостась может быть сокрыта только внутри Одного, и не как нечто иное этому Одному, а как Оно Само.

Но не есть ли сущность воплощенный замысел? Нет, но то единство, в котором еще нет различия между тем, что воплощается, и тем, в чем. Причем «источник энергий» — это только отрицательное определение сущности, ее положительное определение — подлежащее ипостасей. Есть ли в Другом Одно? Да, и причем трояко: как свобода самоосуществления, как то, что осуществляется, как то, посредством чего осуществляется. Однако самоосуществление — задача именно сущности. Таким образом, в становлении четыре момента явных (то, что становится, то, чем становится; то, подобно чему становится; то, посредством чего становится) и один скрытый — самая возможность становления.

Но если у нас нет еще ни времени, ни категорий (различности), то эта сущность не будет двигаться, мыслить и проч. Чем тогда она отлична от материи? Своим стремлением двигаться, мыслить и проч. К тому же не было времени, когда бы она была непричастна мышлению и движению, ведь все это мгновенно — сущность и следующий за ней Ум. Да, вот Ум, есть ли у него сущность? Его сущность будет именно тварная сущность. А почему он сам не может быть сущностью? Потому что он едино-многое и производное. А почему его сущностью не может быть Сверхсущий? Именно потому что Он с у щ н о с т н о Сверхсущий, а Ум сущностно сущий.

Но есть ли в Уме, или, что то же самое, существовании Одно-

сущностно, энергийно, ипостасийно? Сущностно — нет, это уже объяснялось. Ипостасийно — нет, но энергийно, т. е. Ум не есть какая-либо из Божественных ипостасей, но в то же время нет ничего в Уме, или ипостасийности сущности, чего не было бы в Сверхсущем. Ибо Сверхсущее лишено только тварной сущности, которую Оно сотворило по великой и неисповедимой Любви.

Однако то, как есть что-то в Уме, относится к тому, как оно есть в Сверхсущем, как вещь к идее. Что же это за Ум, что будет он мыслить, как мы увидим его? Но сначала надо разобраться, как в Уме есть Другое, или сущность. Из всего сказанного ясно, что в Уме сущность есть как сущее одно. Но этим ведь и исчерпывался Ум древних, зачем же приплетать сюда синэргию, Сверхсущего? Но следует понять, что Ум древних потому и был Умом древних, что не знал о Сверхсущем.

Очень грубо это можно представить себе как лишенность истории, чуть тоньше — как лишенность благодати обоживающей, совсем тонко — как лишенность возможности пресуществления, или умопремены. Ведь рассуждая последовательно, мы должны утверждать, что если Ум есть совершенство, то он должен быть и началом. Но он не таков, и значит есть совершенство прежде него. Значит у него всегда есть возможность становиться еще более умным же совершенством, т. е. сущностно этот Ум, оставаясь тварным и притом Умом, может постигать, т. е. порождать в себе бесконечно стремящиеся к совершенству сущности.

Другими словами, если есть нечто сверхумное, существующее в Уме умным же способом, то возможно бесконечное количество таких способов и образов присутствия.

Но все еще не ясно, зачем тут тварная сущность? А вот зачем: поскольку Творец, творя, остается непричастным бытию и небытию, но творит Другого, как Себя Самого, Он желает сотворить его во всем подобным Себе; Он хочет, чтобы в нем было все — и абсолютное единство и бесконечное множество; но Он не составляет тварное из частей, а творит сразу то, что в синэргии с Ним обретает самого себя в вечном стремлении к Нему. В этом и есть тайна Софии-Ахамот, нечестиво понимаемая некоторыми как учение о падении Божества. Говоря языком патристики, может быть четыре отношения мира и Бога:

1) единосущие и единоипостасие (восточный пантеизм: Прокл, любой последовательный монизм);

2) не-единосущие и не-единоипостасие (деизм, атеизм, некоторые формы дуализма);

3) единосущие и не-единоипостасие (здесь возможно множество вариаций):

а. у твари нет сущности; сущность Божества — ничто; ипостасийность мнима — чистый нигилизм;

б. у твари нет собственной сущности, ее сущность божественная; отсутствие ипостасийного единства объясняется, например, через причастность злу, понятому ипостасийно;

в. отсутствие единоипостасийности объясняется «недоразвитостью» твари, любыми историческими и провиденциальными причинами;

г. через антитезу конечного и бесконечного и проч.;

4) не-единосущие и единоипостасие (ортодоксальное христианство).

Во всех этих модификациях оба члена могут быть поняты как заданности, а не как данности, например, единосущие в любом религиозном орги-азме — заданность, а не данность.

Признание второй сущности имеет следующие виды:

а. сущность подражания (творящая только по Божественным образцам) — 1. совершенно; 2. несовершенно;

б. сущность абсолютно пассивная (почти равная материи), созидаемая Божественными энергиями;

в. творящая из себя, руководящаяся самопроизведенными принципами, либо смутными воспоминаниями, либо предчувствиями — 1. согласно с Божьей волей; 2. не согласно с ней;

г. сотворяющая Божеству.

Причем, строго говоря, ортодоксальное учение принимает единоипостасие как заданность, а не как данность (исключая учение о Богочеловеке).

Можно, естественно, еще более дифференцировать отношения мира и Бога, но нам они здесь нужны в самом общем виде.

Если уж мы признаем тварную сущность как таковую, то нам, конечно, важно сказать, есть ли у твари какая-то ипостасийная особенность или же все, что есть, поскольку оно есть, — Бог и в Боге? Поскольку «все, что есть», обозначает здесь «мир идей», то нам важно здесь рассмотреть, где он, собственно, помещается — в Боге или в твари? Если мы поместим его в Боге, то единоипостасийность немедленно превратится из заданности в данность и степень напряжения этой данности. Если мы поместим его в твари, то получим еще более нелепые следствия. Поэтому «все, что есть», просто должно перестать выступать в качестве ипостаси и занять место энергии. Причем поскольку энергия тварна и нетварна, мы вправе говорить и синэргии, если, конечно, не хотим отождествить сущность с материей.

Исходя из этого разговор о ипостасийности твари приобретает совсем другой характер, и уже не этими способами и не таким языком и не здесь должны мы о ней говорить.